

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СУДЕБНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Людмила Анатольевна Емелина^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-25-30

Сергей Анатольевич Яворский^б

а Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

б ООО «БизнесИнТел»

Аннотация: Статья посвящена проблеме сложившегося партикуляризма в судебной практике. Авторы проводят исследование значимости актов судебной власти и ставят вопрос о допустимости признания их юридическим фактом и, как следствие, – источником права. Современная судебная практика настолько расширила границы понятия «правовая позиция», что ее смысл уже не только не расширяется и не конкретизируется, а напротив, теряется при отсутствии присущих ей унифицирующих признаков и правовых значений данной категории. Обособленность правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации вызывают коллизии между ними самими и действующим законодательством, создавая тем самым подобие обособленного законотворчества и предпосылки для «прецедентной революции». Существует точка зрения, что суды сегодня лишены не только нормативной, но и научной поддержки и вынуждены при этом отыскивать необходимое законодательное решение. В процессе исследования становится очевидно, что действующее семейное законодательство в сфере семейно-правового регулирования (установление опеки, алиментных прав, усыновления) не содержит в самом кодексе легальных условий признания юридическим фактом судебного решения. Сложившаяся ситуация требует внимания законодателя, а примеры судебного правотворчества, рассмотренные в исследовании, должны быть исключены из легитимной правовой среды.

Ключевые слова: судебное правотворчество, прецедентное право, усыновление ребенка, отцовство, суррогатное материнство

Дата поступления статьи в редакцию: 3 мая 2024 года.

TRANSFORMING THE LEGAL POSITION OF JUDICIAL LAWMAKING

Lyudmila A. Emelina^a

RESEARCH ARTICLE

Sergey A. Yavorsky^b

a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

b BusinessInTel LLC

Abstract: The article explores the issue of existing particularism in judicial practice. The authors examine the importance of judicial acts and question whether it is appropriate to acknowledge them as sources of law because they are legal facts. The concept of a “legal position” has been defined by modern judicial practice to such an extent that, in the lack of inherent characteristics that would give this category a unified meaning, its meaning is lost rather than expanded or specified. There is a sense of isolated lawmaking and conditions for a “precedent revolution” due to the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation’s isolated legal positions that lead to conflicts with existing legislation. There is a belief that when courts must find the necessary legislative solution, they are deprived of normative and scientific support. Research reveals that the current family legislation does not include legal requirements in the Code itself for acknowledging a court decision as a legal fact in the areas of guardianship, alimony rights, and adoption regulation. The current situation requires legislators’ attention, and the judicial lawmaking examples discussed in the study should be removed from the legitimate legal environment.

Keywords: judicial lawmaking, case law, child adoption, paternity, surrogacy

Received: May 3, 2024.

Нормы и правила

Введение

В целях защиты национальных интересов 2024 год Указом Президента Российской Федерации Владимира Путина объявлен Годом семьи. Поэтому особую актуальность приобретают проблемы правосудия и их влияние на защиту семейных ценностей.

Правосудие сегодня каким-то особым образом эмансипировано от юридической науки [Тарасов, 2012]. Статья 10 Конституции Российской Федерации не позволяет суду заниматься правотворчеством, однако до сих пор перечисленные разъяснения постановлений высших судов признаются источниками права, которые подлежат применению.

Гражданско-правовая значимость отнесения актов судебной власти к юридическим фактам и источникам права не может оставаться бесспорной. Судебный акт исторически воспринимался в качестве защищающего права акта правосудия, а не как материально-правовой юридический факт¹. Достаточно определенно можно утверждать, что правовое последствие, вызванное судебным решением, не содержит причинно-следственной связи². В российской цивилистике причисление судебного акта к юридическим фактам, из которых вытекали бы субъективные права и обязанности, берет начало с работы профессора МГУ Д.М. Генкина³. Однако его коллеги С.С. Алексеев, М.А. Гурвич, А.А. Добровольский, Н.Б. Зейдер, О.А. Красавчиков, Н.А. Чечина и другие встретили такую идею весьма критически. С их точки зрения, судебный акт является всего лишь разновидностью правомерного юридического действия. Таким образом, судебный акт не может быть рассмотрен как источник права, а только лишь как факт, который связывает норму права с правами определенных лиц.

Можно ли считать постановления и определения Пленума Верховного Совета Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации не просто разъясняющими закон, а подменяющими или даже заменяющими его? Этот вопрос является до сих пор предметом оживленных споров и дискуссий.

Место суда в правотворческой деятельности

Современная судебная практика настолько изменила границы понятия «правовая позиция»,

что его смысл уже не только не расширяется и не конкретизируется, а напротив, теряется при отсутствии унифицирующих признаков и правовых значений данной категории [Зайцев, Зайцев, 2014. С. 5]. В связи с этим обеспокоенность вызывает отсутствие четких ориентиров для правоприменителей. Юридическая сила правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации стала неким ориентиром для сверки с ней правовых позиций.

Обособленность правовых позиций Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации вызывает коллизии между ними самими, а также действующим законодательством, создавая тем самым подобие некоего обособленного законодательства и предпосылки для «прецедентной революции». Ученые предупреждают, что решение отдельных частных проблем с помощью разрушения процессуальных институтов может привести к нарушению единства и целостности существующих механизмов судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций [Блажеев, 2008. С. 61].

Вопрос об участии суда в правотворческой деятельности – один из самых сложных в теории права [Пудовочкин, Бабаев, 2019. С. 52]. При этом уровень правотворческих решений судей, стремящихся заменить несовершенное законодательство низкопробным правоприменением, превалирует над существующей нормой закона.

Существует точка зрения, что суды сегодня лишены не только нормативной, но и научной поддержки, в связи с чем они не способны прийти к правильному законодательному решению⁴. Эту позицию разделяет и ряд отечественных ученых⁵.

По мнению других ученых, уже в 2010 году судебные акты стали основой прецедентного права в России, а уже само прецедентное право стало создавать стабильность правовых позиций, об этом говорится в интервью главы Высшего арбитражного суда Антона Иванова («Не вносить изменения в тело Конституции, но принимать поправки к ней»⁶).

Такие выводы открыто критиковала судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Тамара Георгиевна Морщакова. По ее

1 См.: Авдюков М.Г. Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. С. 25.

2 См.: Кутюхин И.В. О связи юридического факта и правоотношения. *Ленинградский юридический журнал*. 2006. № 2 (6). С. 38.

3 См.: Агарков М.М. Гражданское право: учебник. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 412.

4 См., например: Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля. *Вестник гражданского права*. 2008. Т. 8. № 4. С. 75.

5 См., например: Маковская А.А. Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав. *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*. 2009. № 1. С. 113.

6 www.gazeta.ru/politics/2010/06/08_a_3381608.shtml

мнению, подобные постановления «подравнивают» нижестоящие суды прямыми директивами, адресуя это всей судебной системе, «этот способ налаживания вертикальных взаимоотношений в судебной системе никуда не годится»⁷.

Постановления Верховного Суда Российской Федерации уже в 2010 году признавались источником права, так как содержащиеся в них позиции являлись обязательными и для арбитражных судов [Свириденко, 2010. С. 64], с чем категорически не согласны некоторые ученые⁸.

В Семейном праве также не обошлось без казусов. Введенной нормотворческой инициативой, противоречащей Семейному кодексу Российской Федерации, по нашему мнению, является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 года № 16 (редакция от 26 декабря 2017 года) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Суд посчитал, что социальное отцовство является новой нормой закона, которая противоречит статье 47 Семейного кодекса Российской Федерации, определяющей права на отцовство только при происхождении детей в установленном и удостоверенном законном порядке.

Исключением в вопросах признания отцовства может быть только пункт 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, в которой существует запрет, не позволяющий истцу ссылаться на обстоятельства донорства (искусственного оплодотворения).

Другими словами, благодаря упомянутому Пленуму Верховного Суда Российской Федерации № 16 мужчина может стать отцом только «биологическим» путем. Иные попытки доказать отцовство в суде нивелируются отказом в подобном иске. Кроме того, указанное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16, именуемое в правовой среде как «майские тезисы», противоречит пункту 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации.

Теперь в интересах ребенка разрешено принимать иски суррогатных родителей, а суды обязаны принимать такие иски, умаляя тем самым права

родителей в отношении отцовства и материнства. При этом в данном постановлении не учитываются пороки воли в действиях суррогатных матерей, что только усиливает коллизию с императивными нормами семейного законодательства, где налицо противоречие норме Семейного кодекса Российской Федерации и ее толкованию Конституционным Судом Российской Федерации [Тарусина, 2018. С. 61].

Небезызвестным в этом отношении является Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», который посчитал, что при отказе в усыновлении ребенка можно предъявлять иск об ограничении родителей в их правах.

Это напоминает конструкцию пассивной легитимации по виндикационному иску, согласно теории владения (*possessio civilis*), где собственником ребенка автоматически становится государство, а родитель становится лицом чужого права (*personae alieni juris*), что означает фактическое поражение дееспособности внутри семьи (*status familiae*).

Действующее законодательство в случае недостаточности оснований к отмене удочерения или усыновления позволяет применить аналогию статьи 73 Семейного кодекса Российской Федерации, которая не предполагает лишение родительских прав при отобрании ребенка. Разумным решением в рассмотрении данных споров могло бы стать дополнение законодателем статьи 140 Семейного кодекса Российской Федерации мерами защиты интересов ребенка. Однако поставить точку в решении данной проблемы было поручено, по всей видимости, Верховному Суду Российской Федерации. Проблематика данного вопроса была обозначена еще в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 (в редакции от 26 декабря 2017 года) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Тем не менее до сих пор проблема ограничения родительских прав не имеет законного решения, поэтому и считается в научной литературе «согласованной с судебной практикой»⁹.

7 См., например: Шиняева Н. «Судебные недостатки» (интервью с Т.Г. Морщаковой, судьей Конституционного Суда Российской Федерации в отставке). *ЭЖ-Юрист*. 2009. № 41.

8 См., например: Анохин В.С. Предупреждение банкротства и восстановление платежеспособности несостоятельного должника. М.: [б.и.], 2006. С. 27.; Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2018. С. 48.

9 См., например: Емелина Л.А. Судебная защита прав детей через призму принципа добросовестности *Актуальные проблемы частного права. Монография*. М.: Проспект, 2023. С. 176.

Нормы и правила

Законодатель мог бы обратить свое внимание на данную проблему и внести, например, ожидаемые изменения в статью 140 Семейного кодекса Российской Федерации, установив приоритет в вопросах усыновления ребенка непосредственно детям. Именно этому вопросу Президент России Владимир Владимирович Путин уделил особое внимание как объекту государственной политики (Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 года № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» (с изменениями и дополнениями от 5 октября 2002 года).

Как мы видим, существование правовой неопределенности и неоднородности судебной практики является как раз следствием создаваемой в России системы прецедента, основанной на постановлениях высших судов. С целью донесения актуальности данного вопроса до родителей будет вполне оправданным ввести спецкурс, который был бы посвящен правам ребенка.

Верховный Суд Российской Федерации своей трактовкой закона может подменять и брать на себя функцию законодателя. Конституционный Суд Российской Федерации должен начать проверять конституционность подобных постановлений Пленумов Верховного Совета Российской Федерации. Только тогда подобным постановлениям найдется достойное место в отечественной правовой системе.

Является ли триада, состоящая из доктрины, законодательства и судебной практики, современной и надежной системой, защищающей интересы участников судебного процесса? Ученые требуют разделить судебное правотворчество на виды и процедуры, вынести их за рамки существующих норм права и обособить как вспомогательный источник права [Лазарев, 2012; Поляков, 2015; Гук, 2016].

Обзоры судебной практики, являющейся особой формой судебного нормотворчества, ученые небезосновательно относят к прецедентному праву, считая, что они призваны обеспечить единство судебной практики при выявлении противоречий между разъяснениями Пленумов Верховного Совета Российской Федерации и Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Именно поэтому мы не можем согласиться с мнением, что правотворчество Пленумов Верховного Совета Российской Федерации можно воспринимать как некий компромисс [Пейсикова, 2023. С. 44].

В некоторых случаях, например, в вопросах корректировки исполнительного производства, ведомственное нормотворчество может только

заметно ухудшить данный процесс¹⁰. Судебное нормотворчество, безусловно, в исключительных случаях позволяет оперативно преодолеть пробелы в существующих нормативных актах. Однако после этого Конституционный Суд Российской Федерации обязан проверить созданное судебное прецедентное решение, а законодатель в срочном порядке отреагировать поправкой или дополнением к спорной или устаревшей норме закона. При этом такие решения судов не должны выходить за рамки правовых функций и быть допустимыми [Воротынцева, Колоколов, Павликов, 2009. С. 329].

Несомненно то, что на законодательном уровне следует закрепить понятия «правовой позиции» Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. При этом необходимо указать, что такие позиции не подменяют действующие нормы законодательства. Кроме того, источником права они являться не могут. По нашему мнению, ссылки на подобные позиции в судебных решениях должны быть запрещены. Это позволит избежать правовых и юридически значимых последствий для системы российского судопроизводства в целом.

Суды не должны создавать нормы права, а лишь разъяснять действующие правовые нормы. Кроме того, помощью в такой переходный период может служить рецепция права: «Отказ от него в условиях построения новой для страны системы экономики, объективно протекающего процесса интеграции в международную систему взаимоотношений нецелесообразен» [Балута, 2009. С. 13]. При учете традиций и русской национальной идентичности это будет иметь безусловно положительный эффект при условии, если такой процесс не будет выглядеть как радикальное насаждение либеральных ценностей¹¹. А такой баланс возможен только при наличии высокого уровня квалификации и независимости судей, о чем мы отмечали в начале нашего исследования.

Весьма значимым остается и тот факт, что действующее семейное законодательство в сфере семейно-правового регулирования (установление опеки и алиментных прав, усыновления и др.) не содержит в самом кодексе легальных условий признания юридическим фактом судебного решения. Эта легализация отчетливо просматривается, к примеру, в пункте 3 статьи 8 Гражданского ко-

10 См., например: *Ефимова Л.Г.* Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. С. 398.

11 См., например: *Лукьянов А.И.* Законодательный процесс в России. *Журнал российского права.* 1997. № 4. С. 19.

декса Российской Федерации, расширяя при этом фактологическую основу гражданско-правового регулирования. Тем не менее не совсем понятно, для чего законодатель создал такую открытость фактической системы, легализовав судебные решения как подобное основание, и какова его практическая ценность?

По сути, судебное решение становится основанием для возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. До сих пор не расширено понятие «судебное решение», которое может быть постановлением, определением, актом неискового производства. Не указаны также инстанции, которые такие решения принимают.

Заключение

Дискуссию по теме проведенного исследования, посвященного проблеме судебного правотворчества в российском судопроизводстве, с большим интересом поддержали участники международной научно-практической конференции «Защита публичных интересов в сфере традиционных семейных и иных духовно-нравственных ценностей», проходившей 28 марта 2024 года в Институте государства и права Российской академии наук. После совместного доклада авторов статьи на секции «Процессуальные средства защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и перспективы» на тему

«Проблемы правосудия и их негативное влияние на защиту семейных ценностей» присутствующие ученые с одобрением отнеслись к прозвучавшим предложениям, которые касались ограничения роли судов в их нормотворчестве и проведения проверки всех постановлений и пленумов Конституционным Судом. При этом за высшими судами должна остаться только функция разъяснения закона без возможности ссылок на нее в заключительной части судебных решений. Это делается с целью устранения коллизий между уже самими высшими судами.

Мы склонны поддерживать точку зрения, что «игры в правотворчество» должны следовать определенным правилам, особенно в отрасли семейного права [Тарусина, 2019. С. 47]. В противном случае все подобные примеры судебного правотворчества, рассмотренные нами, должны быть исключены из легитимной правовой среды. При отсутствии разумной осторожности в отечественном правоведении такая практика может обернуться судебным произволом.

В «Двух трактатах о правлении», представляющих социально-политическую концепцию Джона Локка, отмечено, что «когда нет рядом никого другого, то он сам становится и судьей, и палачом, поддерживая свое право. А у тех, кто находится под этой властью, нет возможности быть в своем праве и тем более защищать его»¹².

12 Локк Д. Два трактата о правлении. Т. 3. 1988. С. 313.

Литература

- Балута Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма? *Государственная служба*. 2009. № 5 (61). С. 11–13. EDN: KUVTRP
- Блажеев В.В. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в механизме судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 11. С. 61–72. EDN: KVVZUR
- Воротынцева А.А., Колоколов Н.А., Павликов С.Г. и др. Право, закон, судебный прецедент в российской цивилизационной системе. М.: Юрист, 2009. EDN: QRCXGZ
- Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики. *Lex Russica (Русский закон)*. 2016. № 7 (116). С. 14–27. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027>
- Зайцев В.В., Зайцев О.В. Правовые позиции: понятие и юридическое значение. *Право и экономика*. 2014. № 7 (317). С. 4–8.
- Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента. *Журнал российского права*. 2012. № 4 (184). С. 92–99.
- Пейсикова Е.В. Судебное правотворчество как неотъемлемая функция суда. *Судья*. 2023. № 11 (155). С. 37–45. https://doi.org/10.52433/18178170_2023_11_37. EDN: NGEPRM
- Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: ЮСТ, 2009.
- Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? *Lex Russica (Русский закон)*. 2015. Т. 100. № 3. С. 28–42. EDN: TMZSFZ
- Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Верховный Суд Российской Федерации и уголовно-правовое нормотворчество. *Правосудие*. 2019. Т. 1. № 2. С. 51–72. <https://doi.org/10.17238/issn2686-9241.2019.2.51-72>. EDN: TAZQFI
- Свириденко О.М. Судебная практика – источник российского права? *Современное право*. 2010. № 10. С. 64–65. EDN: NAXNLT
- Тарасов Н.Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практической юридической науки и научности юридической практики). *Российский юридический журнал*. 2012. № 3 (84). С. 19–24. EDN: OZEUDD
- Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества. *Lex russica*. 2019. № 5. С. 40–48. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048>. EDN: BLHTQH
- Тарусина Н.Н. Судебное толкование как вид «чрезвычайного» нормотворчества. *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: «Гуманитарные науки»*. 2018. № 3 (45). С. 58–62. EDN: YAHIX

References

- Baluta G. Is it possible to overcome legal nihilism? *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2009. No. 5 (61). P. 11–13. EDN: KYBTTP. In Russian
- Blazheev V.V. Revision of court decisions on newly discovered circumstances in the mechanism of judicial protection of rights and legitimate interests of citizens and organization. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2008. No. 11. P. 61–72. EDN: KVVZUR. In Russian
- Guk P.A. Judicial rule-making: questions of theory and practice. *Lex Russica*. 2016. No. 7 (116). P. 14–27. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.116.7.014-027>. In Russian
- Lazarev V.V. Normative nature of judicial precedent. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2012. No. 4 (184). P. 92–99. In Russian
- Peiskova E.V. Judicial lawmaking as an integral function of the court. *Sud'ya*. 2023. No. 11 (155). P. 37–45. https://doi.org/10.52433/18178170_2023_11_37. EDN: NGEPPM. In Russian
- Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. Moscow: YUST, 2009. In Russian
- Polyakov S.B. Judicial precedent in Russia: form of law or arbitrariness? *Lex Russica*. 2015. Vol. 100. No. 3. P. 28–42. EDN: TMZSZF. In Russian
- Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Supreme Court of the Russian Federation and criminal law rulemaking. *Pravosudiye*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 51–72. <https://doi.org/10.17238/issn2686-9241.2019.2.51-72>. EDN: TAZQFI. In Russian
- Sviridenko O.M. Judicial practice – a source of Russian law? *Sovremennoye pravo*. 2010. No. 10. P. 64–65. EDN: NAXNLT. In Russian
- Tarasov N.N. Legal science and legal practice: correlation in the methodological context (on the practicality of legal science and the scientific nature of legal practice). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2012. No. 3 (84). P. 19–24. EDN: OZEUDD. In Russian
- Tarusina N.N. Court practice in family cases: problems of discretion on the edge of lawmaking. *Lex russica*. 2019. No. 5. P. 40–48. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.040-048>. EDN: BLHTQH. In Russian
- Tarusina N.N. Judicial interpretation as a kind of «extraordinary» rule-making. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnyye nauki*. 2018. No. 3 (45). P. 58–62. EDN: YAHIX. In Russian
- Vorotintseva A.A., Kolokolov N.A., Pavlikov S.G. et al. Law, legislation, and judicial precedent in the Russian civilizational system. Moscow: Yurist, 2009. EDN: QRCXGZ. In Russian
- Zaitsev V.V., Zaitsev O.V. Legal positions: concept and legal significance. *Pravo i ekonomika*. 2014. No. 7 (317). P. 4–8. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Людмила Анатольевна Емелина, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 1175571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: urconsul1@yandex.ru

Сергей Анатольевич Яворский, юрист

ООО «БизнесИнТел» (Российская Федерация, 108808, Москва, п. Первомайское, ул. Центральная, 24, пом. 19П). E-mail: 491899@mail.ru

Для цитирования: Емелина Л.А., Яворский С.А. Трансформация правовой позиции судебного нормотворчества. *Государственная служба*. 2024. № 3. С. 25–30.

INFORMATION ABOUT AUTHORS:

Lyudmila A. Emelina, Candidate of Sci. (Law), Associate Professor Department of Legal Support Market Economy, Institute of Public Administration and Civil Service Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). Email: urconsul1@yandex.ru

Sergey A. Yavorsky, Lawyer

BusinessInTel LLC (24, 19P, Centralnaya St., poselok Pervomayskoye, Moscow, 108808, Russian Federation). E-mail: 491899@mail.ru

For citation: Emelina L.A., Yavorsky S.A. Transforming the legal position of judicial lawmaking. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 3. P. 25–30.